

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Клинт Брукс
Критики-формалисты

Цель: на основе работы Клинта Брукса «Критики-формалисты» представить анализ основных составляющих понятия «литературная критика», а также дать пояснение роли критика в создании литературных произведений.

Основные идеи:

- К. Брукс и убеждения, нашедшие отклик в его сознании.
- К. Брукс о роли критика в создании литературных произведений.
- Особенности формалистской критики.

Ключевые сочетания: пристальное прочтение, литературный историк, критики-формалисты, творческий художник

Клинт Брукс учился в университетах Нашвилла и Нового Орлеана, Оксфордском университете (1929-1932). Был профессором университета штата Луизиана (1932-1947), Йельского университета (1947-1975). Он является одним из основоположников школы новой критики. Он рассматривал поэзию как особую форму знания. Считал, что в основе «органической формы» лежат ирония, парадокс, многозначность. Клинт Брукс учился в Кембридже с И. А. Ричардсом, который первым заложил основы новой критики в своих «Принципах литературной критики». По возвращении в Соединенные Штаты Брукс начал писать серию книг «Подход к литературе», комментированные учебные антологии (в соавторстве с Р. П. Уорреном): «Понимание поэзии» и «Понимание прозы», «Хорошо вылепленная ваза: изучение структуры поэзии». В результате «пристального прочтения» было установлено как доминирующая форма литературного исследования в американской академии с конца 1940-х до 1960-х годов. Полемика «новой критики», опубликованная в «Раритетном обзоре», была также написана им.

Представленная в Антологии работа Брукса «Критики-формалисты» осветила основные принципы работы метода «пристального прочтения» и представила соответствующий понятийный блок проблем. Как отмечается в современной литературе, «пристальное прочтение – это методика работы с текстом в «новой критике». Читатель не должен отвлекаться на фиксацию собственного отклика на произведение и на выявление его связей с окружающей действительностью. Идеальный читатель – формалистически ориентированный критик, он должен концентрировать внимание на структуре произведения».

В антологии приведены суждения К. Брукса об анализе литературных произведений. Мы представляем вашему вниманию некоторые из них.

- Литературная критика – это описание и оценка ее объекта.
- Главная проблема критики связана с проблемой единства, литературного произведения и отношения разных частей друг к другу в построении этого целого.
- Формальные отношения в литературе могут, безусловно, находиться над логикой.
- В хорошей работе форма и содержание не могут быть разделены.
- Форма имеет смысл.
- Литература, в конечном счете, метафорична и символична.
- Общее и универсальное охватывается не только абстракцией, но и проникает через конкретику.
- Литература не является суррогатом религии.
- Как говорит Аллен Тейт, «конкретные моральные проблемы» – предмет литературы, но цель литературы – не указывать на мораль.
- Принципы критики определяют область, относящуюся к сути литературной критики; они не являются методом для проведения критики.

К. Брукс полагал, что, прежде всего, чтобы создать стихотворение или роман, необходимо отрезать его от автора и от его жизни как человека с особыми надеждами, страхами, интересами, конфликтами и т. д. Ограниченная критика может показаться бескровной и пустой. Это похоже на типичного профессора литературы в аспирантуре, где изучение литературы, прежде всего, является изучением идеи и личности автора. Здесь раскрывается его суть через письма,

дневники и записи друзей. Теоретик утверждал, что все это подобно сплетням литературных комментаторов, которые наполняют литературу болтовней. Критика должна стать нужным советом молодому поэту или романисту в поиске предмета и стиля, отмечает автор.

Следующей составной частью работы являются суждения автора о взаимосвязи литературы и читателя. Произведение должно быть оторвано от тех, кто его действительно читает, писал Брукс. Хотя данный отрыв может показаться резким и катастрофичным, несмотря на то, что литература создается для чтения. Более того, если пренебрегается аудитория, которая читает произведения, то литературный историк подскажет, что аудитория является тем результатом, к которому он шел. «Стихотворение имеет свои корни в истории прошлого или настоящего. Его место в историческом контексте просто нельзя игнорировать», – считает теоретик. «Опыт человека действительно представляет собой бесшовную одежду, никакая часть не может быть отделена от остальных. Но если мы будем настаивать на этом факте, на неотделимости различий, тогда нет смысла говорить о критике вообще. Я предполагаю, что различия необходимы, полезны и действительно неизбежны», – продолжает он.

Критики-формалисты знают так же хорошо, как и все, что стихи, пьесы и романы, написанные людьми, являются своего рода выражением мнений отдельных личностей и имеют различные мотивы (за деньги, из желания выразить себя ради какой-либо причины и т. д.). Кроме того, они понимают, что литературные произведения – это просто потенциал, воссоздающийся в сознании реальных читателей. Читателей, которые сильно различаются по своим возможностям, интересам, предрассудкам и идеям. Спекуляция автора психическими процессами уводит критику от работы над биографией и психологией. Такие исследования очень важны. Но их не следует путать с описанием работы, констатирует автор исследования, так как в них описывается процесс композиции, а не структура составленной вещи. В реальности они могут быть как о плохой работе, так и о хорошей.

В своей работе Брукс отмечает два основных условия критики: он предполагает, что соответствующая часть намерения автора заключается в том, что он на самом деле сделал. Он предполагает, что только осознанное намерение автора имеет значение. И, во-вторых, предполагается идеальный читатель. Его особенностью становится возможность сосредоточиться на различных спектрах чтения. Идеальный читатель пытается найти центральную точку отсчета, с помощью которой он мог бы сосредоточиться на структуре стихотворения или романа.

Автор утверждает, что идеального читателя нет. И это не простое высокомерие, которое позволяет критику поставить себя в положение идеального читателя с собственными предрассудками. В этой связи исследователь пишет: «Разумеется, нет идеального читателя, и я полагаю, что практикующий критик не может слишком часто напоминать о разрыве между его чтением и «истинным» чтением стихотворения. Но эта оправданная стратегия нужна, чтобы сосредоточиться на поэме, а не на его собственных реакциях. Наконец, конечно, это стратегия, которую критики с любыми убеждениями вынуждают принять. Альтернативы нет. Либо мы говорим, что чтение одного человека так же хорошо, как и другого, и приравниваем эти показания на основе абсолютного равенства, отрицая возможность любого стандартного чтения. Либо мы принимаем самый низкий общий знаменатель различных чтений, переходя от литературной критики к социально-психологическому аспекту».

Таким образом, критики-формалисты отвергают два популярных теста на литературную ценность. В учет берется ценность работы, не заключающаяся в «искренности» автора (или интенсивности чувств автора, когда он его сочинял). К. Брукс в качестве примера приводит заявление Эрнеста Хемингуэя в недавнем выпуске журнала «Тайм». Писатель писал, что, по его предположению, его последний роман является лучшим. В продолжение критик-формалист делает следующее заключение: «Заявление писателя представляет интерес для биографии Хемингуэя, но большинство читателей «За рекой, в тени деревьев» согласятся, что ценность романа ничем не доказана, и в этом случае решение самого автора просто трогательно неумело». Тем самым Брукс ставит мнение читателей в ряд более важных и значительных, нежели рассуждения самого автора.

В следующей части исследователь анализирует особенности и принципы литературной критики, утверждая, что любой критик может работать над движущими его сознание частями.

Однако он также признается, что подробное описание эмоционального состояния критика при чтении некоторых работ имеет мало общего с сообщением читателю о произведении в целом и его частях. Вполне обоснованно ставится и следующий вопрос: должна ли всякая критика быть самонадеянной и аналитической? Ответ: нет, все зависит от случая и аудитории. На практике работа критика редко бывает исключительно критической. В итоге полагается, что он гораздо чаще участвует в решении десятка более или менее связанных задач. Некоторые из них могут быть тривиальны, а некоторые важны.

Автор констатирует: «Возможно, он пытается быть услышанным новым автором или хотел бы привлечь внимание первокурсника, сидящего на заднем ряду. Он может сравнивать двух авторов или редактировать текст, написав краткий обзор газеты или прочитав статью перед Ассоциацией современного языка. Он может даже просто разговаривать с другом о литературе. Притча, анекдот, эпиграмма, метафора – эти и сотни других приемов могут быть вполне законными для различных его целей. Если практикующий критик хочет хорошо выполнять свою работу, он должен обладать тактом, здравым смыслом. Не причинить вред – одна из конкретных задач критика. Потому как порой писатели устают от сурового критического анализа и, ищут более любительскую, и все же «человеческую критику». «Как идеал она превосходна, но как рецепт для улучшения критики, сомнительна. Соответствующие вульгаризации этих идеалов уже процветают и долго процветали». Что же это значит? А то, что литературный критик должен обладать высокими профессиональными и человеческими качествами. Исходя из понятия, что критика по своей природе есть разбор и обсуждение, необходимо конкретизировать роль и функцию литературной критики как «род литературно-творческой и литературно-коммуникативной деятельности».

Очень интересна мысль К. Брукса о том, что литература не пишется по формуле: «у нее не может быть никакой формулы. Возможно, критика может сделать немного больше, чем просто указать, что работа преуспела или потерпела неудачу. Здоровая критика и здоровое творение, как правило, идут рука об руку. При прочих других условиях творческому художнику лучше быть в контакте с энергичной критикой. Но другие соображения никогда не равны, случай всегда особенный, и в данном случае правильными советами могут быть: вообще отказаться от критики или изучать политическую науку, историю или философию. Иными словами: нужно либо присоединиться к армии, либо присоединиться к церкви».

Глубинное осмысление функций литературной критики, синхронизируясь с художественным и социально-гуманитарным познанием, тесно соприкасается с интерпретацией самого термина «критика». В результате читатель находится в русле таких процессов, как приобретение и развитие знаний о человеке и его жизни; ценностно-смысловое освоение и воспроизведение человеческого бытия; текстовая природа понимания через письменные и археологические источники; мыслительная абстракция и т. д. «Знание личности конкретного писателя, умение стимулировать, давать позитивные предложения – специфический круг критики. Литературное произведение работа – это документ, и в качестве документа его можно анализировать с точки зрения сил, которые его произвели. Этим документом можно манипулировать как самостоятельной силой. Он отражает прошлое, может повлиять на будущее. Эти факты было бы бесполезно отрицать, и нет критика, который бы их отрицал. Хорошая литература – это больше, чем эффективная риторика, применяемая к истинным идеям», – так подводит итоги автор, резюмируя, что литература имеет широкий спектр использования, и критики должны предлагать дополнительные новые горизонты, которые могут быть более захватывающими и театральными. И все же данное многообразие не исключает того, что знание является основой всего.

Порой и к понятию «теория» ученые подходят с метафорической точки зрения, предполагая, что, как и любая другая научная деятельность, наука о литературе вбирает в себя различные школы и направления, оставляя при этом и нишу для познавательного процесса. Любая теория, основываясь на деталях восприятия, созерцания, гипотезы, контроля и заключения, становится объектом или инструментом литературного анализа, объясняя динамику изменений и развития в Слове сквозь призму диалектического начала в сочетании с принципами антропологии и тем самым характеризуя цели и задачи когнитивных и критических исследований. Так в отношении принципов новой критики, благодаря Клинту Бруксу, сформировались основополагающие

каноны литературы о литературе. Калькуляция литературных понятий критического мышления в числе первых создала важные элементы обсуждений и коммуникаций литературного мира. Подводя итоги, можно подчеркнуть следующие составляющие:

- во-первых, (буллит поинтами) отделение литературной критики от исследования источников и концентрация на самом литературном объекте (отсюда специфический аналитический «прием» вырывания обложки и титульного листа литературного произведения, содержащих указание на автора и дату);
- во-вторых, анализ структуры произведения, а не авторской психологии или читательских реакций;
- в-третьих, изучение частей в связи с целым произведением;
- в-четвертых, пристальное внимание к различным смысловым нюансам слов;
- в-пятых, отмежевание литературы от морали и религии.

Контрольные вопросы:

1. К каким убеждениям присоединяется К. Брукс?
2. Как подчеркивает К. Брукс роль критика в создании литературных произведений?
3. Как можно охарактеризовать особенности критика-формалиста?

Список рекомендуемых ресурсов:

1. <https://www.litdic.ru/pristalnoe-prochtenie/>
2. Джули Ривкин и Майкл Райан. Теория литературы: антология. Третье издание. стр. 39 – 43.
3. Горных А. А. Англо-американская «Новая критика»: антропологические проблемы текста. // <http://anthropology.ru/ru/text/gornyh-aa/anglo-amerikanskaya-novaya-kritika-antropologicheskie-problemy-teksta>